

Α Π Ο Λ Λ Ο Η

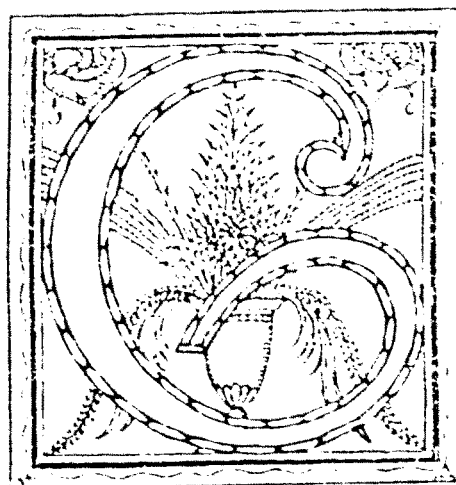
ΝΗ ΟΚΤΑΒΩΡΕ-ΜΟΡΩΩΩ 1910

ΕΚΑΚΤ

ОБЪ ОДНОМЪ ВОПРОСЪ РИТМА

(по поводу книги Андрея Бѣлаго ‚Символизмъ‘)

I

ИМВОЛИЗМЪ' Андрея Бѣлаго — одна изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ говорится *de omni re scibili et quibusdam aliis*. Оглавленіе предлагаетъ читателю ‚проблему культуры‘, вопросы ‚о научномъ догматизмѣ‘ и ‚о границахъ психологій‘, ‚эмблематику смысла‘, ‚принципъ формы въ эстетикѣ‘, ‚сравнительную морфологию ритма русскихъ лириковъ‘, ‚магію словъ‘ и т. под. Но оглавленіе слишкомъ скромно и содержаніе книги гораздо разнообразнѣе. Такъ, мы находимъ въ ней еще разсужденія о теософій, о китайскомъ языкѣ, о коэффициентѣ расширенія газовъ, о ведійской литературѣ, о инструментализмѣ Ренэ Гиля, о вихревомъ движеніи жидкостей, о каббалистикѣ и астрологій, о прагматизмѣ и прагматистахъ, о памятникахъ египетской письменности, о психофизическомъ параллелизмѣ, о термохиміи и о многомъ другомъ. Попутно Андрей Бѣлый разсказываетъ біографіи великихъ людей, какъ, напр., Гельмгольца, составляетъ списки пособій для самообразованія и еще находитъ мѣсто для полемическихъ выпадовъ и для лирическихъ автобіографическихъ признаній.

Собственно говоря, огромный томъ, болѣе чѣмъ въ 600 страницъ, представляетъ собою двѣ книги, произвольно соединенныхъ подъ одной обложкой. Обѣ книги, въ большей своей части, посвящены вопросамъ весьма спеціальнымъ. Первая (или первая часть тома) занята философскимъ и историческимъ оправданіемъ символизма. Въ рядѣ статей, критикующихъ различные распространенные (въ философій, въ наукѣ, въ обществѣ) взгляды на природу истины, Андрей Бѣлый старается установить, что истина доступна человѣку только въ символахъ. Статьи написаны тяжело и языкомъ труднымъ. Вторая книга (вторая часть тома) занята исключительно вопросами русской метрики, и къ ‚символизму‘ отношеніе имѣетъ лишь самое отдаленное, какое вообще не можетъ не имѣть теорія стиха къ теоріи поэзіи. Отъ читателя эти статьи требуютъ исключительнаго вниманія къ вопросамъ ритма и стихосложенія.

Какого, однако, читателя имѣлъ въ виду самъ Андрей Бѣлый, сказать трудно. Тогда какъ въ текстѣ онъ разбираетъ сложные вопросы теоріи познанія, приводитъ математическія формулы, дѣлаетъ ссылки на рѣдчайшія изданія,—въ комментаріяхъ, присоединенныхъ къ книгѣ, онъ беретъ на себя роль популяризатора. Здѣсь онъ считаетъ нужнымъ сообщать читателю, что Кантъ—это ‚основатель критической философіи‘, Вундтъ—извѣстный нѣмецкій психологъ, Гартманъ—модный въ свое время философъ, и объяснять, что такое ‚рондо‘ и ‚тріолетъ‘ или что такое ‚метафора‘ и ‚метонимія‘. Въ этихъ же комментаріяхъ дѣлаются длинныя выписки изъ ‚Критики чистаго разума‘, чтобы доказать апріорность пространства, а также выписки общеизвѣстныхъ страницъ Шопенгауера и Ницше. Затѣмъ, по поводу всякаго вопроса, затронутаго въ книгѣ, приводится его ‚литература‘ и въ томъ числѣ то перечень книгъ для лицъ, ‚съ философіей вовсе незнакомыхъ и желающихъ ориентироваться въ философскихъ проблемахъ‘, то,—сочиненій, касающихся санскритской письменности’...

Оцѣнить всю эту ученость Андрея Бѣлаго подъ силу только человѣку съ познаніями поистинѣ энциклопедическими. Мы же только можемъ замѣтить, что въ тѣхъ вопросахъ, которые намъ болѣе или менѣе извѣстны, свѣдѣнія, даваемая ‚Символизмомъ‘, оказываются небезупречными. Такъ, напримѣръ, перечни книгъ, ‚касающихся теоріи и стилия символистовъ‘, и ‚журналовъ, въ которыхъ дебатировались вопросы символизма‘, безспорно состоятъ изъ случайнаго набора заглавій. Въ перечень журналовъ внесены такія популярныя, ничего общаго съ ‚символизмомъ‘ не имѣющія изданія, какъ ‚Revue Hebdomadaire‘, ‚La Nouvelle revue moderne‘, ‚Freistadt‘, ‚Nuova Antologia‘, ‚Nuova Parola‘, и пропущены ‚Revue Blanche‘, ‚Pan‘, ‚Insel‘, ‚Ver Sacrum‘ и т. под. Среди книгъ указана вовсе не существующая книга Ренэ Гиля ‚Notes sur le Symbolisme‘, и книга Гиммельштерна ‚Rhythmik-Studien‘, о ‚символизмѣ‘ и не поминающая, и т. п. Столь же небезупречны сообщенія Андрея Бѣлаго (на которыя онъ очень щедръ) о различныхъ явленіяхъ античной жизни. Характеристики ученій греческихъ философовъ сдѣланы имъ крайне сбивчиво и неточно. ‚Пеонъ‘ на протяженіи всей книги называется ‚пэаномъ‘, а въ одномъ примѣчаніи, гдѣ Андрей Бѣлый пытается эту свою явную ошибку оправдать, онъ увѣряетъ, что ‚пэаны‘ были гимны въ честь Діониса (въ дѣйствительности—въ честь Аполлона). Названіе ‚Иліады‘ во всей книгѣ упорно пишется черезъ два л. И т. д.

Написанъ ‚Символизмъ‘ поразительно неровно: нѣкоторыя страницы сильно и выразительно, другія—крайне небрежнымъ, можно сказать неряшливымъ язы-

комъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что отъ книги подобнаго рода можно требовать крайне осмотрительнаго обращенія съ терминами (чего въ ‚Символизмѣ‘ нѣтъ вовсе), но въ цѣломъ рядѣ мѣстъ простая ясность изложенія оставляетъ желать многогаго. Иныя статьи написаны такъ плохо, что надо только удивляться, какъ позволилъ это себѣ Андрей Бѣлый, одинъ изъ нашихъ лучшихъ стилистовъ. Въ книгѣ на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія несообразныя, почти комическія: ‚въ рядѣ теченій переносится центръ тяжести на вопросы‘, ‚путь чревать будущими обобщеніями‘, ‚условной моделью перекидываемъ мы мостъ‘, ‚освѣщать ведантизмъ въ свѣтѣ сложнаго дерева браманизма‘, ‚Тритгеймъ, учениками котораго явились два такихъ имени‘ и т. под. Такая неряшливость особенно непріятна въ книгѣ, гдѣ много говорится о слогѣ и проповѣдуется величайшее вниманіе къ языку.

II

Предоставляя разборъ всей книги лицамъ, болѣе къ тому подготовленнымъ и болѣе освѣдомленнымъ въ спеціальныхъ философскихъ вопросахъ, мы остановимся только на одной ея сторонѣ, точнѣе на одномъ изъ поднятыхъ Андреемъ Бѣлымъ вопросовъ.

Значительная часть второй половины ‚Символизма‘ посвящена изслѣдованію русскаго четырехстопнаго ямба.

Дѣло въ томъ, что Андрей Бѣлый, въ ‚Символизмѣ‘, выступаетъ сторонникомъ ‚научной эстетики‘. На мѣсто субъективной критики произведеній искусства, руководимой личнымъ вкусомъ критика, онъ хочетъ поставить критику научную, отправляющуюся отъ экспериментальныхъ данныхъ. Предметомъ такого эксперимента въ области искусствъ, по мнѣнію Андрея Бѣлаго, можетъ быть только ихъ ‚форма‘. Въ поэзіи ‚формой‘ является ритмъ рѣчи, въ частности стиха, т.-е. ‚слова, расположенныя въ своеобразныхъ фонетическихъ, метрическихъ и ритмическихъ сочетаніяхъ‘.

Какъ примѣръ такого эксперимента въ области поэзіи, Андрей Бѣлый приводитъ свои наблюденія надъ ритмомъ четырехстопнаго ямба и свои выводы изъ этихъ наблюденій. Спеціально этому вопросу посвящены въ ‚Символизмѣ‘ двѣ статьи: ‚Сравнительная морфологія ритма русскихъ лириковъ‘ и ‚Опытъ характеристики русскаго четырехстопнаго ямба‘; но тѣми же наблюденіями не разъ пользуется Андрей Бѣлый и въ другихъ статьяхъ. Съ внѣшней стороны эти изслѣдованія Андрея Бѣлаго имѣютъ всю видимость ‚научности‘. Онъ

приводить въ нихъ составленныя имъ статистическія таблицы, постоянно оперируетъ цифрами, засыпаетъ терминами. Свои выводы относительно сравнительной ритмичности стиха тѣхъ и другихъ поэтовъ онъ заканчиваетъ заявленіемъ, что это—,не субъективная оцѣнка,‘ но ,безпристрастное описаніе‘.

Мы, однако, склонны думать, что Андрей Бѣлый заблуждается, что дѣйствительной научности въ его статьяхъ весьма немного и что его выводы все же остаются его ,субъективными‘ догадками.

Прежде всего возбуждаетъ сомнѣніе объемъ того матеріала, которымъ Андрей Бѣлый пользовался. Оказывается, что его наблюденія были сдѣланы не только не надъ всѣмъ количествомъ четырехстопнаго ямба, какое имѣется въ русской литературѣ (что врядъ ли и возможно), но даже не надъ всѣми тѣми поэтами, которыхъ должно считать создателями русскаго стиха и которымъ въ исторіи русской поэзіи принадлежитъ почетное мѣсто. Такъ, внѣ наблюденій Андрея Бѣлаго остались: бар. Дельвигъ, кн. Вяземскій, Веневитиновъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Щербина, Кольцовъ, Огаревъ и мн. др., а изъ болѣе новыхъ—Голенищевъ-Кутузовъ, Фофановъ, Ив. Коневской (хотя изученъ, напримѣръ, Городецкій). Мало этого: изъ тѣхъ поэтовъ, стихи которыхъ были подвергнуты изслѣдованію, взято было не все количество стиховъ, написанныхъ ими даннымъ размѣромъ, но, какъ выражается Андрей Бѣлый, ,опредѣленная порція‘, именно 596 стиховъ. Какъ была выбрана эта порція, случайно или по нѣкоторымъ соображеніямъ, почему одни стихи были обслѣдованы, другіе нѣтъ, объ этомъ Андрей Бѣлый не упоминаетъ нигдѣ.

Далѣе оказывается, что о ритмѣ стиховъ Андрей Бѣлый судилъ не по всей совокупности тѣхъ элементовъ, которые образуютъ ритмъ стиха, а только по одному единственному элементу, именно по количеству и по положенію въ стихахъ даннаго поэта пиррихіевъ.

Какъ извѣстно, чистыхъ ямбовъ и хореевъ въ русскомъ стихѣ почти не бываетъ. Ударенія тоническія далеко не всегда совпадаютъ съ удареніями логическими, и на многихъ слогахъ, въ словѣ, собственно говоря, не ударяемыхъ, въ стихѣ стоитъ условное удареніе, называемое обычно второстепеннымъ. Такъ, въ стихѣ:

Цыганы шумною толпой—

главныхъ удареній только три, по числу словъ, но къ нимъ присоединяется четвертое, на третьей, пиррихической, стопѣ, на послѣднемъ слогѣ слова ,шумною‘. Поэтому нашъ четырехстопный ямбъ, смотря по мѣсту, занимаемому

второстепеннымъ удареніемъ, можетъ имѣть 6 основныхъ (наиболѣе употребимыхъ) модуляцій:

- 1) / / / /
- 2) — / / /
- 3) / — / /
- 4) / / — /
- 5) — / — /
- 6) / — — /

Наблюденія Андрея Бѣлаго сводятся къ подсчету количества тѣхъ или иныхъ модуляцій и тѣхъ или иныхъ комбинацій изъ этихъ модуляцій у различныхъ лириковъ. Его статистическія таблицы показываютъ, какую изъ этихъ модуляцій и въ какихъ сочетаніяхъ данный поэтъ предпочитаетъ (все—въ определенной 'порціи' стиховъ). Сопоставляя цифры своихъ таблицъ и принимая бѣольшую цифру пиррихievъ и большее количество комбинацій изъ различныхъ модуляцій за бѣольшую ритмичность, Андрей Бѣлый дѣлаетъ выводы о сравнительномъ 'богатствѣ' ритма различныхъ поэтовъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, пиррихи ни въ какомъ случаѣ не опредѣляютъ сами по себѣ ритма стиха. Ритмъ слагается изъ комбинаціи цѣлаго ряда факторовъ, среди которыхъ пиррихи занимаютъ лишь одно, определенное мѣсто. Въ число этихъ факторовъ, кромѣ пиррихievъ, входятъ еще: цезуры, логическій строй стиха, словесная инструментовка (аллитерація, внутреннія риѣмы, ассонансы и т. под.), расположеніе риѣмъ, построеніе строфы, структура образовъ и т. д. Въ зависимости отъ вліянія всѣхъ этихъ элементовъ, однихъ въ большей, другихъ въ меньшей степени, шесть указанныхъ выше модуляцій, въ свою очередь, распадаются на рядъ весьма различныхъ ритмическихъ формъ (вариантовъ).

Особенно тѣсно значеніе пиррихievъ зависитъ отъ цезуръ стиха.

Возьмемъ два стиха:

Тиха украинская ночь.

Богатъ и славенъ Кочубей.

По строю пиррихievъ оба стиха принадлежатъ къ 4-ой изъ указанныхъ нами модуляцій, и въ изслѣдованіяхъ Андрея Бѣлаго такіе стихи считаются ритмически тождественными. Но, вѣроятно, наименѣе изощренное въ ритмахъ ухо различитъ все громадное ритмическое различіе этихъ двухъ стиховъ. Ритмъ перваго нѣженъ и гибокъ, втораго—твердъ и суровъ. Это различіе определено

различіемъ цезуръ. Въ первомъ стихѣ пиррихическая стопа не отдѣлена цезурой, и второстепенное удареніе падаетъ на предпоследній слогъ слова: во второмъ—пиррихическая стопа начинается непосредственно послѣ цезуры, и второстепенное удареніе падаетъ на первый слогъ слова.

Возьмемъ другой примѣръ. Какъ образцы довольно рѣдкой 6-ой модуляціи, Андрей Бѣлый приводитъ стихи З. Гиппиусъ и свои. Вотъ стихъ З. Гиппиусъ:

Безрадостно-благополучно.

Ритмъ легкій, красивый. А вотъ стихъ Бѣлаго:

Надъ памятниками дрожатъ.

Неуклюжій, несуразный (ритмически) стихъ, который едва можно выговорить. Но вся разница между этими стихами — только въ расположеніи цезуръ. У З. Гиппиусъ выбраны наиболѣе легкія цезуры (второстепенное удареніе на последнемъ слогѣ и на второмъ отъ начала), а у Андрея Бѣлаго — самыя тяжелыя, наименѣе позволительныя.

Точно также два стиха:

Шведъ, русскій, колетъ, рубить, рѣжетъ.

Печальный демонъ, духъ изгнанья. —

по характеристикѣ Андрея Бѣлаго принадлежатъ ритмически къ одному типу, какъ полные ямбы (безъ пиррихіевъ). Между тѣмъ ритмически они прямо противоположны.

Такое же значеніе имѣютъ цезуры и въ стихахъ хореическихъ. Вотъ два двустишія:

Выхожу одинъ я на дорогу,

Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ...

Это было въ средніе вѣка,

На высотахъ Умбріи лѣсистой...

По расположенію пиррихіевъ эти стихи тождественны. Но различіе цезуръ дѣлаетъ стихи Лермонтова музыкой грусти и торжественности, а стихи Мережковского легкой повѣствовательной рѣчью.

Вліяніе цезуръ видоизмѣняется расположеніемъ въ стихѣ логическихъ удареній. Вотъ два стиха:

И разрѣзающе-остра...

Я, хитроумный Одиссей...

Въ этихъ стихахъ совершенно одинаково и расположеніе пиррихievъ и расположеніе цезуръ. Однако, ритмъ второго стиха болѣе сложенъ, что зависитъ отъ того, что въ немъ на слабую (неударяемую) часть первой стопы падаетъ логическое удареніе. Сходнымъ примѣромъ могутъ служить стихи:

Ночь! ночь! о гдѣ твои покровы!

О, вѣрь мнѣ, я одинъ понынѣ...

Приведенные примѣры, какъ намъ кажется, достаточно доказываютъ, что судить о ритмѣ и ритмичности стиха только на основаніи строя его пиррихievъ — неосновательно. Еще менѣе основательно богатство стиха пиррихiями и различными комбинаціями пиррихическихъ модуляцій — отождествлять съ ритмическимъ богатствомъ стиха. Пиррихи обогатяютъ ритмъ стиха только въ удачныхъ соединеніяхъ съ цезурами стиха и съ другими его элементами. Въ другихъ же случаяхъ пиррихи могутъ тяжелить ритмъ стиха.

Въ статистическихъ таблицахъ, составленныхъ Андреемъ Бѣлымъ, и въ его разсужденіяхъ о ритмѣ четырехстопнаго ямба мы видимъ слѣдующіе недостатки.

Во-первыхъ, имъ отождествляются, какъ имѣющіе одинаковый ритмъ, стихи ритмически различные (онъ не принимаетъ въ расчетъ вариантовъ, образуемыхъ въ пиррихическихъ модуляціяхъ — цезурами).

Во-вторыхъ, рядъ явленій въ стихѣ имъ оцѣнивается невѣрно (за показатель ритмического богатства признаются такія явленія, которыя могутъ и не обогащать ритма).

Въ-третьихъ, рядъ явленій ритмической жизни стиха имъ вовсе не оцѣнивается (напр., видоизмѣненіе ритма, происходящее подъ вліяніемъ логического строя стиха).

Эти недостатки, по нашему мнѣнію, лишаютъ выводы Андрея Бѣлаго научнаго значенія. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ утвержденіемъ Андрея Бѣлаго, что его характеристики ритма различныхъ лириковъ суть ‚безпристрастныя‘ т. е. объективныя описанія: научной почвы подъ построеніями Андрея Бѣлаго — нѣтъ.

Намъ остается добавить, что самъ Андрей Бѣлый не неосвѣдомленъ о тѣсной связи, существующей между пиррихiями и цезурами. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 276—278) онъ опредѣленно признаетъ ее. ‚Звуковая особенность пиррихической стопы, — говоритъ онъ, — зависитъ не только отъ самой стопы,

но и отъ слова, которое эту стопу образуетъ'. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ, что ритмическій характеръ пиррихической стопы ,рѣзко измѣняется' въ зависимости отъ мѣстоположенія цезуры. Но потомъ, на протяженіи всей свей книги, Андрей Бѣлый нигдѣ объ этомъ своемъ утвержденіи не вспоминаетъ и нигдѣ не принимаетъ въ расчетъ зависимости пиррихіевъ отъ цезуръ. Такъ какъ многіе выводы Андрея Бѣлаго рѣшительно невозможны, если эту зависимость признавать,—приходится предположить, что все сужденіе объ ней (указанныя выше страницы) есть позднѣйшая вставка, обязанная своимъ появленіемъ въ книгѣ какому-либо постороннему вліянію.

III

Мы должны, однако, сказать, что самые выводы Андрея Бѣлаго (о ритмѣ различныхъ поэтовъ), если не искать въ нихъ исключительной научной обоснованности, представляютъ много интереснаго. Андрей Бѣлый ошибается, думая, что дѣлаетъ свои заключенія на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, но его критическое чутье подсказываетъ ему рядъ любопытныхъ соображеній.

Такъ, на примѣръ, очень любопытно утвержденіе Андрея Бѣлаго, что поэты 50-хъ и 60-хъ годовъ, слѣдуя за Пушкинымъ въ общихъ чертахъ ритма, выродили русскій ямбъ въ стихъ ,прилизанный' и ,благополучно гладкій', обладающій призрачной легкостью. Не менѣе любопытно замѣчаніе, что у Сологуба и Блока ,ритмъ пробуждается отъ Пушкиноподобной версификаторской гладкости наслѣдія Майкова и А. Толстого къ подлинному ритмическому дыханію'. Заслуживаютъ вниманія и всѣ другія характеристики ритма разныхъ поэтовъ, старыхъ и новыхъ.

Мы полагаемъ, что у Андрея Бѣлаго есть всѣ данныя, чтобы выполнить ту задачу, которую онъ себѣ поставилъ: заложить основанія ,науки о стихѣ', а тѣмъ самымъ и ,научной эстетики'. Неудачу, постигшую Андрея Бѣлаго на этомъ пути, мы склонны объяснять исключительно той спѣшностью, съ какой, по всѣмъ признакамъ, писался ,Символизмъ'. Для осуществленія замысла Андрея Бѣлаго нужны были многіе годы предварительныхъ изысканій и собранія матеріала. Между тѣмъ Андрею Бѣлому хотѣлось, повидимому, безъ промедленія, связать нѣкоторыя свои бѣглыя наблюденія съ нѣкоторыми своими, можетъ быть, преждевременными догадками. Ему хотѣлось теперь же перекинуть мостъ отъ законовъ стихосложенія и къ символизму, и къ теософіи,

и ко многому другому... Это торопливое желаніе скорѣе перейти къ общимъ выводамъ и повело къ указаннымъ нами недостаткамъ изслѣдованія. Впрочемъ, при всѣхъ слабыхъ сторонахъ, книга Андрея Бѣлаго представляетъ собою явленіе не заурядное, и тѣ ея части, которыя посвящены ритмикѣ, имѣютъ болыше значеніе. Здѣсь поставлено много важныхъ вопросовъ, разсыпано не мало дѣльных замѣчаній, и, главное, рѣзко и твердо выдвинута важная проблема о созданіи ,научной эстетики'. Надо пожелать, чтобы Андрей Бѣлый вновь вернулся къ разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ, слишкомъ поспѣшно, думалъ разрѣшить въ ,Символизмѣ'. Если Андрей Бѣлый пожелаетъ работать болѣе методически, не будетъ торопиться съ красивыми обобщеніями, согласится довольствоваться тѣми выводами, на которые уполномочиваютъ сдѣланныя наблюденія, — онъ, безъ сомнѣнія, окажетъ значительныя услуги молодой ,наукѣ о стихѣ'. Теперь же, читая грузный ,Символизмъ', иной разъ думаешь, что напрасно Андрей Бѣлый съ такимъ негодованіемъ говоритъ о ,пучинѣ газетнаго легкомыслія': довольно часто отваживается онъ самъ нырять въ эту ,пучину'.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

	стр.
Сергѣй Маковскій—Проблема 'тѣла' въ живописи	5
Я. А. Тугендхольдъ—Нагота во французскомъ искусствѣ	17
Вяч. Каратыгинъ—Молодые русскіе композиторы	30
Georg Fuchs—Задачи нѣмецкаго театра	43
Валерій Брюсовъ—Объ одномъ вопросѣ ритма	52

ХРОНИКА

Андрей Бѣлый—Вѣнецъ или вѣнокъ—1; Бар. Н. В. Дризенъ—По мюнхенскимъ театрамъ—4; S. T.—Мусульманская выставка въ Мюнхенѣ—12; В. Кандинскій—Письмо изъ Мюнхена—13; J. L. Шагрентіер—Парижскій діалогъ—17; Н. Костылевъ—Новости французской литературы—20; Ет. Магне—Зола и эстетика парижана—23; Н. В., Г. Л.—Художественная жизнь Петербурга—28; Г. Лукомскій—Архитектурная летопись—35; Б. Козловъ—Художественный сезонъ въ Екатеринославѣ—39; Сергѣй Ауслендеръ—Петербургскіе театры—40; Вяч. Каратыгинъ—Музыка въ Петербургѣ—44; В. Держановскій—Музыка въ Москвѣ—46; М. Кузминъ—Замѣтки о русской литературѣ—49; S. T.—Художественныя вѣсти съ Запада—51.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ

Ии. Анненскій, Б. Лившицъ, Скалдинъ, Евг. Геркенъ—Стихотворенія	3
Борисъ Садовской—Сынъ бѣлокаменной Москвы и Погибшій пловецъ (разказы)	11
М. Кузминъ—Опасный стражъ, разказъ	25
П. Халльстрёмъ—Соколы, разказъ (переводъ Ел. Благовѣщенской)	35

Иллюстраціи внѣ текста:

Меццотинта: Р. Gauguin—Женщины.

Автотипіи: Р. Gauguin—изъ собранія С. Щукина (4 автотипіи); Р. Bonnard—Nu; Maurice Denis—Плажъ; Charles Guérin—Натурщица, Венера; Othon Friesz—Женщины; Eduard Manet—Купальщицы; Henri Matisse—Хороводъ; Paul Cézanne—Купальщицы; Puvis de Chavanne—Декоративное панно; Auguste Rodin—Торсъ; Louis Dejean—Декоративная группа; Aristide Maillol—Nu; Georges Desvallières—Аллегорія; F. Vallotton—Nu, Похищеніе Европы, Nu; P. Roussel—Древній мотивъ; Herrmann Haller—Этюдъ женщины; O. Zwintscher—Золото и перламутръ; Fr. Stuck—За женщину; F. Hodler—День, Весна;

Обложка, заглавныя буквы и надписи—М. В. Добужинскаго; фронтисписъ—Л. Бакста; виньетки на стр. 42, 51, 18—С. Ю. Судейкина, на стр. 10—Г. Нарбута, на стр. 60—Н. Кузьмина.